

18+

Марко Жбану

БРЕМЯ
ЛЮБВИ

Марго Эрванд

Бремя любви

«Издательские решения»

Эрванд М.

Бремя любви / М. Эрванд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964058-1

Мысль о том, что ее ребенок может уйти и больше не вернуться, уже давно перестала страшить и мучать. Она ждала и готовилась к тому, чтобы в один из дней, наконец, услышать: «нам очень жаль, но ваш ребенок умер». И этот день настал. Только судьба распорядилась иначе... Один удар за другим обрушивается на безутешную мать, перед глазами которой проносится вся жизнь. Что она сделала не так? Где допустила ошибку? Почему она должна хоронить свое дитя?

ISBN 978-5-44-964058-1

© Эрванд М.
© Издательские решения

Содержание

Закат. Время 19:30	6
Закат. Время 19:45	15
Сумерки 20:20	18
Вечер. Время 20:40	23
Вечер. Время 21:20	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бремя любви

Марго Эрванд

Все события и герои вымышлены.

Любые совпадения случайны.

Дизайнер обложки Екатерина Хотунцева

Редактор Акмарал Агдаулетова

© Марго Эрванд, 2020

© Екатерина Хотунцева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-4058-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закат. Время 19:30

До дома оставалось несколько шагов, но они оказались самыми сложными. Возле нашего подъезда было три полицейские машины, машина скорой помощи, а также толпа зевак, плотным кольцом огораживающая меня от причины такого ажиотажа. Едва ли звонок Полины мог вызвать такой резонанс: Виталик уже не первый раз уходил из дома... здесь было что-то другое.

– Это мать, мать пришла, – чей-то громкий голос разрезал тишину. И осиный рой возобновил свое жужжание.

Люди расступились передо мной. Узкий живой коридор открыл впереди клочок тротуара, залитый кровью. Двое мужчин в полицейской форме и женщина в белом халате стояли над чьим-то телом, прикрытым черным пластиковым пакетом. Сотни глаз смотрели на меня, как на прокаженную.

Я опустила голову и сделала еще несколько шагов вперед, чувствуя, как вся жизнь пронесится перед глазами. Я не раз представляла себе этот день, но так и не подготовилась к нему.

***

«Этот мальчик не может быть сыном Ромы!» – гаркнула она мне, после чего связь оборвалась. Короткие гудки звенели в ушах, а я продолжала крепко сжимать в руках пластмассовую трубку, не в силах положить ее на рычаг. В спальне истошно орал мой малыш, но я не могла прийти к нему на помощь. Моя жизнь в очередной раз дробилась на части...

В восемнадцать лет из рассудительной и серьезной студентки техникума я в одночасье превратилась в романтическую взбалмошную особу. Мама называла это гормонами, я – любовью. Мы с Ромой познакомились в парке, и он был младше меня. Но нас это не остановило, и мы начали встречаться.

Я заканчивала второй курс, когда мой красный календарь дал сбой. Я беременна. Мысль об аборте я отсекала мгновенно. Это ребенок любви, и я от него не откажусь ни за что. Рассказывать об этом Роме было страшно, но я не могла молчать. Он был первым, кому я об этом рассказала, и эта новость сделала его счастливым. Мы решили пожениться, но... его родители были против. Он берег меня и многого не рассказывал, но он был вынужден уйти из дома. И этот его поступок сказал мне больше тысячи слов. Сказал мне, но не моей маме.

– А что телевизор не работает? – поинтересовалась однажды я, переключая каналы.

– Сегодня у них профилактика. Делай как я: садись и наслаждайся тишиной, скоро нам этого очень не будет хватать, уж поверь мне, – ответила мама. Она сидела на диване, запрокинув голову на спинку. Ее ноги лежали на табурете, и она энергично шевелила пальцами ног, словно отгоняя невидимую мошкарку. – Ты была в детстве просто исчадием ада. Рот не затыкался. А Лидия не особо-то мне помогала.

Лидией мама называла мою бабушку, свою родную мать. Мне это всегда казалось странным, и в двенадцать лет я отстояла право называть ее мамой.

– У нас дома и сейчас никогда не бывает тихо, – отозвалась я. Рука непроизвольно легла на едва заметный живот, мне хотелось защитить свою горошину от неприятных слов и обвинений.

– Не скажи. Сейчас же вот тихо. А потом такого уже не будет, сама увидишь. А кстати, где этот твой дрыщ? У вас с ним все нормально?

Ее пальцы звонко щелкнули от очередной манипуляции. Согнув ногу в колене, она начала гладить ноги, разглядывая свои ступни.

– У нас все хорошо, он сейчас у друга живет.

– Почему? Ой, подожди, дай угадаю, его родители не в восторге от вашей новости, я права?

Она удивленно подняла брови. Прядь перегидрольных волос упала ей на лицо, и она попыталась сдуть ее с носа обратно на висок. Не получилось.

– Да, он хочет попробовать снять жилье.

– А зачем? У него что, есть лишние деньги? Пусть к нам приходит.

Она нехотя оторвалась от своих стоп и поправила прическу. Ее лицо выглядело помятым и опухшим после вчерашней разборки с дядей Сережей, ее приходящим супругом. Он был единственным из ее ухажеров, который неизменно возвращался и к которому я испытывала хоть какую-то симпатию. Но вчера они явно перебрали и со спиртным, и со всем остальным. Мама улыбнулась мне, обнажив свои кривые желтые зубы курильщика.

– Ты это серьезно?

– Ну а почему нет? Не выгонять же и мне вас на улицу? Кто-то должен за это нести ответственность. Пусть это буду я. Но я сразу говорю – это ничего не меняет: я по-прежнему не в восторге от этой новости и не жажду становиться бабушкой, но ты моя дочь, и я от тебя не откажусь. Поняла?

– Спасибо!

С пятого июня мы начали жить все вместе. Это было непросто, но все мы пытались подстраиваться друг под друга. Во всяком случае, так делали я и Рома. Мы старались. Сессия была позади, и мы все время проводили в мечтах о нашем малыше. Я была счастлива и, казалось, ничто не в силах омрачить эти грезы, но... плановый визит в поликлинику заставил меня умыться слезами.

– Ошибки быть не может, мы дважды все проверили, – сказала женщина в окружении своих коллег. – У плода серьезные врожденные пороки развития. Мне очень жаль.

Я сидела перед ними на стуле совершенно одна. У меня не было группы поддержки, не было никого, кто мог бы меня защитить от этих слов. Я смотрела на них, как затравленный зверек, ожидая казни. Сейчас они поднимут свое оружие и уничтожат нас раз и навсегда. Да, именно нас, потому что я не могу отказаться от малыша. Не могу...

– Сложно сказать, какие именно нарушения у плода, но согласно анализам...

– Вы такая молодая, к чему вам все это?

– У вас же вся жизнь впереди!

– Через полгода вы снова сможете забеременеть

– Зачем рожать больного ребенка?

Они говорили все сразу, пытаясь перекричать друг друга, пытаясь достучаться до меня. Но я молча сидела перед ними, обхватив живот руками. Я не хотела, чтобы мой малыш слышал эти страшные слова.

На принятие решения мне дали двадцать четыре часа, хотя, по их же словам, думать в моем случае не о чем. Я ушла, наотрез отказавшись подписывать какие бы то ни было справки. Я сбежала домой к маме и Роме.

– Может, попробовать пересдать анализ в другой клинике? – спросил Рома.

Мы сидели с ним на скамейке у дома и перешептывались, чтобы никто не услышал. Делиться этой информацией с мамой я не рискнула. Моя беременность не была верхом ее мечтаний, и эти страшные подозрения медиков могли легко примирить ее с грехом детоубийства.

– Они сказали, что сделали анализ дважды.

– А о каких патологиях идет речь?

– Я не знаю. Их было так много, и они все что-то говорили и так смотрели на меня. Они хотели меня уже сегодня отправить на...

Я многозначительно округлила глаза: даже произносить вслух это страшное слово казалось преступлением. Врачи могут говорить и думать что угодно, но я этого точно не скажу. Никогда.

Нам обоим было страшно, а груз ответственности, свалившийся на наши плечи, оказался не по годам тяжелым. Еще вчера мы были влюбленной парочкой, грезящей о малыше, о счастье быть родителями. Сегодня эта легкость бытия дала серьезный сбой. Нам и только нам предстояло решить, давать ли право на жизнь малышу или нет...

– А ты им веришь? – спросил Рома.

– Не знаю. Помнишь, я тебе рассказывала про мою бабушку? Она регулярно ходила в поликлинику и сдавала все анализы, и они всегда, слышишь, всегда были в порядке. И только за пару месяцев до ее смерти врачу не понравились какие-то титры, и она настояла на развернутом анализе крови с онкомаркерами. У нее обнаружили рак яичников, но не начальную стадию, а последнюю, неоперабельную. Они не могли ей уже никак помочь, только обезболивающие препараты прописывали и все.

– Я тоже думаю, что они ошибаются. Ну ты сама подумай – мы с тобой оба молодые и здоровые – откуда могут быть такие аномалии?

– Я им не верю, – ответила я, опуская голову на плечо Роме. Мои руки уже давно лежали на животе, и теперь его рука легла сверху. Мы снова стали одним целым, мы приняли решение.

Беременность была сложной, прежде всего, согласно моим анализам. Многие показатели были выше нормы, отчего я глотала таблетки горстями. Меня постоянно тошнило, и я дважды за лето лежала на сохранении. От продолжения учебы пришлось отказаться, и я ушла в академический отпуск. Это решение далось мне особенно тяжело, и по ночам, когда я ворочалась в кровати без сна, успокаивала себя мыслями о том, что, когда малыш подрастет, я смогу восстановиться в техникуме. Чтобы не терять навыков и практики, я много рисовала и конструировала. Моя первая и пока единственная награда за победу в конкурсе юных модельеров-конструкторов давала мне силы и надежду. Я смотрела на эти позолоченные ножницы в рамке под стеклом и представляла себя известным дизайнером, модным кутюрье. Все это обязательно будет потом, а пока я готовилась стать мамой.

Мы с Ромой не стали никому рассказывать о страшных предположениях врачей, да и сами старались об этом не думать. Однако во время плановых визитов в поликлинику играть в молчанку уже не получалось.

– Что, так и не одумалась, молодежь? – гремела медсестра, заполняя мою медкарту.

– Вы это сейчас о чем? – спросила я.

– Ой, только не надо делать такого лица, нечего мне тут душой прикидываться. Каждый раз одно и то же.

– Ну так может, и вам пора прекратить?

– Дерзи, дерзи! Еще не раз меня вспомнишь! Жалко тебя, дуру, вот и говорю тебе, предостерегаю. Ты думаешь, одна такая мамаша? Ща! И ладно раньше женщины рожали и не догадывались, какой сюрприз их ждет, но ты-то, дуреха, знаешь и все равно в петлю лезешь!

– Прекратите, пожалуйста, я не хочу, чтобы мой ребенок слышал такие страшные слова.

– Ой, какие мы нежные! Да он за свою жизнь еще не такое услышит! Ты молись, чтоб жизнь его короткой была, тогда, может, и свою не загубишь!

– Да кто вы такая? Кто вам дал право говорить так обо мне и моем малыше? Я, значит, жизнь свою гублю, а вы что, лотерейный билет вытянули? – заорала я, не в силах и дальше терпеть такое отношение.

Она продолжала сидеть на своем месте, но вид у нее был испуганный. Она жестом попросила меня замолчать, не решаясь больше вступать со мной в беседу. Но я уже не могла остановиться. За соседней дверью мой врач вела прием другой пациентки, и я хотела, чтобы она

слышала и знала, что здесь происходит. Я хотела положить конец этим непрошеным советам и нравоучениям раз и навсегда.

– Никчемная медсестра в городской поликлинике – это ваша планка? Кто вам право дал, я спрашиваю? Вы меня все достали, слышите? Это мой ребенок! Это моя жизнь! И я сама решу, что мне делать! Вы меня все задолбали уже!

– Тихо, тихо, не ори так, – зашипела медсестра.

– Добрый день, Сазонова, – поздоровалась со мной врач, приоткрыв дверь своего кабинета. – Я думаю, тебя все услышали, так что посиди тихонько в очереди, у меня здесь пациента на сносях. Мы же не хотим, чтобы еще кто-то пострадал.

Даже в этой банальной вежливости я услышала укор и непонимание. Да и на что я рассчитывала? Тяжело дыша, я опустилась на стул, стараясь больше не встречаться взглядом ни с медсестрой, ни с другими беременными, что сидели за открытой настежь дверью в коридор. Представление окончено.

Всю беременность меня готовили к плановому кесареву сечению. Предполагалось, что мы с Ромой сами выберем подходящую дату рождения для малыша. Но уже в 37 недель врач наотрез отказалась от изначально выбранного курса – роды должны быть естественными. В чем причина такого решения я не поняла, да мне и не объясняли, в очередной раз сославшись на плохие анализы.

Роды были тяжелыми. Десять часов я орала и извивалась на кресле, умоляя сделать мне операцию. «Нельзя! Терпи, раскрытие всего пять пальцев» – повторяла акушерка, каждый раз заглядывая ко мне. Под утро, когда силы начали покидать, его маленькое склизкое тельце, наконец, покинуло мою утробу. Вся в поту, я лежала на кресле, готовая в любой момент потерять сознание. Но зловещая тишина вокруг заставила мое сердце болезненно сжаться в груди.

– Почему он молчит? Это девочка или мальчик?

Тишина. Врач закрыла глаза и покачала головой, даже не взглянув в мою сторону.

– Прощу вас! Как мой малыш?

И в этот момент я услышала детский крик. Ребенок жив.

Это был мальчик – наш Виталик. Мы пролежали в больнице больше недели, в ходе которой моей крохе делали ряд нужных и ненужных анализов, подтверждая или опровергая ранние догадки врачей, которыми пестрила история моей беременности. Несмотря на то, что роды случились у меня на 39 неделе, малыш был слабеньким. Он плохо брал грудь, и мне пришлось давать ему смесь, а самой цедиться каждый час. Молока было много, и грудь гудела. На третьи сутки у меня поднялась температура, и сына забрали на целый день.

– Ну как ты? – спросила врач во время очередного обхода.

– Ничего, уже лучше. Когда малыша принесут?

– Решила все-таки оставить?

Меня затрясло и снова бросило в жар.

– Что значит – оставить? Где мой сын?

– На процедурах, у него желтушка. А ты не ори, успокойся. Я ведь с тобой нормально поговорить пытаюсь.

– Знаю я ваши разговоры.

– Ты что, так ничего и не поняла? Ты что, его не видела?

– Видела. Это мой сын.

– Да твой, твой. Никто у тебя его не забирает, но зачем тебе это, милая? Это больной ребенок. Ты видела его диагноз?

Я молча кивнула головой, садясь на кровать.

– И это только один. Ты же понимаешь, что у него проблемы с сердцем, дыханием, про умственные способности я вообще молчу. Ты видела, какой он слабый. Зачем тебе все это?

Ладно, я понимаю, аборт ты делать побоялась; ну хорошо, родила. Получила свой опыт и все, забудь про него. Откажись!

Она говорила со мной так, словно я была ее непутевой дочерью и она на правах матери могла меня учить уму-разуму. Могла наставлять и направлять по жизни. Одно лишь «но»: я знала ее только пять дней, а видела и того меньше. Так какое право она имеет на этот разговор?

– Его отдадут в дом малютки, потом в приют. Ты не переживай, о нем позаботятся. Там много больных деток, там знают, как за ними ухаживать. Ты же молодая девчонка, зачем тебе жизнь свою калечить? – продолжала напутствовать она, неверно истолковав мое замешательство.

– Извините, а как вас зовут?

– Людмила Ивановна. Ты меня не узнала? Я же роды у тебя принимала.

– Нет, я вас узнала, Людмила Ивановна. Просто вот сижу и думаю, а кто вам дал такое право приходить ко мне и говорить все это? Вы всех рожениц сейчас обходите с таким предложением или это мне одной так крупно повезло?

– Что значит – всех? Я по-человечески помочь тебе пытаюсь.

– По-человечески? Отказаться от собственного ребенка, отправить его в приют при живых родителях – это у вас называется по-человечески?

– Ты что, ополоумела совсем?

– Я ополоумела? – зашипела я, вставая с кровати. – Где мой сын? Принесите мне моего ребенка! Сейчас же! Вы меня слышите? Я не откажусь от него ни за что на свете! Ясно? Он мой! Идите вы все к черту со своими советами! Где мой ребенок?

Она выбежала в коридор, крутя пальцем у виска. Этим жестом она сигнализировала всем собравшимся, а на крик сбежалось немало скучающих мамаш, жаждущих хоть какого-то разнообразия их рутинной жизни в роддоме, что я сошла с ума. Не обращая на них внимания, я продолжала разъяренно орать, требуя вернуть мне сына. Виталика принесли через пять минут. Он спал. С того дня к нам в палату с советами и рекомендациями больше никто не заходил, и уже через три дня после этого инцидента медперсонал вздохнул с облегчением, выплюнув меня с малышом в большой мир.

Из роддома нас забирал Рома. Он уже знал о том, что малыш оправдал худшие подозрения врачей, но Виталик был нашим сыном, и это было важнее всего. Рома пытался взять у меня из рук конверт с ребенком, но так и не решился. Он испугался, и я не стала его осуждать за это. Первый раз и мне дался непросто.

Домой мы шли пешком, наслаждаясь морозным зимним утром. Виталик мирно спал в коляске, а Рома гордо катил его перед собой. Со стороны мы выглядели самыми обычными молодыми родителями самого обычного ребенка, но это было не так. И мама поняла это сразу, едва взяв внука на руки.

– Настя, а тебе ничего врачи не говорили?

– О чем?

– Мне кажется, нам нужно срочно в больницу.

– Для чего? – поинтересовалась я, забирая у нее из рук малыша.

Виталик почти спал, и я унесла его в спальню. Я понимала, что у нас с мамой будет серьезный разговор, и лучше, если мой сын этого не услышит. Достаточно того, что он уже узнал от врачей. Оскорбления еще и от родной бабушки ему ни к чему. Рома остался в спальне приглядывать за сыном, в то время как я вернулась на поле боя: именно такое у меня было чувство, когда я вновь переступила порог кухни.

– Ты знаешь, да? Он больной.

– Он мой сын и твой внук.

– Какой у него диагноз?

– Какая разница? Что это меняет?

– Боже, Настя, доченька, мне так жаль.

Мама попыталась меня обнять, но я ее оттолкнула. Мне не нужна была ее жалость. Понимание, поддержка – да, но только не жалость.

– Что происходит? Почему ты молчишь?

– А что ты хочешь от меня услышать? Да, мама, у тебя родился не самый обычный внук, но ты не волнуйся, мы с Ромой скоро отнесем его в приют и забудем об этом. Ты этого от меня ждешь? Или что?

– С ума сошла? Как это приют? Это Рома тебе такое предлагает? Гони его в шею, гад, а я ведь...

– Что ты сказала?

Я была удивлена маминой реакцией. Больше всего на свете я боялась признаться ей, боялась рассказать о случившемся. Я боялась, что она не поймет меня, осудит, выгонит из дома, а она... готова была встать рядом, плечом к плечу, как боевой солдат, защищая нашего Виталика. Не дожидаясь ответа, я налетела на нее и крепко обняла. Слезы текли у меня по щекам, я ими умывалась, но впервые за долгие месяцы это было от счастья. Я не одна. Мы больше не одни...

Чуть больше недели все мы привыкали к новым условиям жизни. Это оказалось сложно. На бумаге и в мечтах все было и легче, и приятнее. Уже через день после нашего возвращения домой у Виталика начались мышечные спазмы. Поначалу, начитавшись разной литературы, я списывала его недомогание на вздутие живота и сутки напролет держала его столбиком, только бы он не орал. Мы все по очереди пытались успокоить ребенка, в то время как соседи гневно стучали по батареям, призывая нас к тишине. С той ночи Виталик начал закатывать такие концерты с завидным постоянством. Он орал по ночам, по утрам, по вечерам. Только в обед, во время наших долгих прогулок, его укачивало в коляске и он засыпал. Но гулять с ребенком день напролет в лютый мороз я не могла. В те дни я не раз с тоской вспоминала прошлое: встречи с друзьями, дискотеки, посиделки у костра, и, наконец, первые два года учебы в техникуме. Все это казалось таким далеким и нереальным. И только фотографии на стене напоминали о моей активной жизни, а награда за победу в конкурсе юных модельеров-конструкторов, словно путеводная звезда, направляла меня к профессиональному будущему, которое с каждым днем становилось от меня все дальше и дальше.

Появление Валентины Семеновны, куратора нашей группы, в дверях квартиры меня шокировало. За те три месяца, что я ношу звание молодой мамы, про меня забыли все: друзья, первые клиенты, которым я когда-то успела что-то смоделировать и сшить. Но я ошиблась. Из сбивчивой речи этой крайне аристократичной женщины я поняла, что обо мне часто вспоминают. Оказывается, я была самой талантливой ученицей на потоке, на которую многие и она, Валентина Семеновна в частности, возлагали большие надежды. От неожиданности я даже прослезилась, а может быть, все дело в гордости и ощущении собственной значимости...

Она уговаривала меня вернуться в техникум и продолжить учебу, и мне очень хотелось дать нужный ей ответ. В те несколько минут все мое естество кричало: «Да! Да! Я согласна!», но в спальне раздался детский плач... пора кормить Виталика.

– Сколько ему? – спросила она, отставляя в сторону чашку чая.

– Четыре месяца.

– Совсем большой. Я своих детей уже в три месяца в ясли отдала, так что с этим, я думаю, проблем не будет.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – начала я, усаживаясь в кресло напротив. – Виталик не такой, как все, он особенный...

Стараясь не вдаваться в подробности, я рассказала Валентине Семеновне, какой малыш был нам послан Всевышним. Но судя по тому, как округлились ее глаза, как сошла с лица

улыбка, было ясно, что даже эта информация оказалась для нее неподъемной ношей. Она была в ужасе, и ей плохо получалось скрыть эти эмоции от меня. Я стала нервничать. И только Виталик как ни в чем не бывало сосал смесь из бутылочки.

– Даже не знаю, что сказать, – выдохнула куратор.

– Да, люди не знают, как реагировать на такую информацию.

– Дело не в этом. Я правильно поняла: ты не планируешь отдавать его в интернат или какое другое специализированное заведение?

– Да, все так. А как бы вы поступили?

– Сейчас речь не обо мне.

– Я не отдам.

– Но, ты понимаешь, как это будет сложно? Особенный ребенок требует к себе особенного подхода.

– Это все слова. Я сделаю все, чтобы у него была полноценная жизнь.

– Ой, моя дорогая... – протянула Валентина Семеновна, поднимаясь с дивана.

Она смотрела на меня, и теперь в ее небесно-голубых глазах не было ни восхищения, ни надежды – одна только боль. И меня это раздражало. Что знает она о боли? Ее дети уже в три месяца ходили в ясли!

– Не надо меня жалеть! Я знаю, что делаю, и я не одна. У Виталика есть еще и отец, а вместе мы сможем все преодолеть.

– Дай Бог, чтобы так и было.

Не сказав больше ни слова она встала и, даже не попытавшись взглянуть на Виталика, прошла в коридор. Я последовала за ней, продолжая держать ребенка на руках. Я не рассчитывала на продолжение разговора, но уже в дверях Валентина Семеновна сказала:

– Дай Бог, чтобы я ошибалась, как и все те, кто не понимает тебя сегодня. Пусть Господь вознаградит тебя за мужество! Кто знает, может быть, твой малыш – это новый гений нашего времени! Дай Бог, чтобы так и было! Прости, что побеспокоила.

Она ушла, а я все стояла в дверях, боясь пошевелиться. Ее слова сладкой музыкой звучали у меня в ушах, а приятное тепло разливалось по телу. В тот момент я впервые позволила себе мечтать о будущем сына...

Мне не терпелось поделиться этими мыслями с Ромой, но вечером, когда он, наконец, пришел домой, его мало интересовало то, что я считалась самой одаренной и подающей надежды студенткой, как и то, что Виталик может стать гением нашего времени, несмотря ни на что. Он рассеянно рылся в своих тетрадях и учебниках, изредка поддакивая и кивая головой. В этот момент он мог, наверное, согласиться на все, даже на поход в ЗАГС. Законность наших отношений уже давно отошла на второй, третий, десятый план, как будто этот вопрос и вовсе не существовал, и у меня был большой соблазн заговорить об этом снова.

– Ты слышал, что я тебе сказала...

– Угу, давай об этом потом поговорим.

– Когда – потом? Чем ты таким важным занят?

– У меня завтра серьезный экзамен.

– Отлично, не будем тебе мешать, – буркнула я, собираясь выйти с Виталиком из спальни.

– Останьтесь, я сейчас вещи соберу и пойду.

– Что значит – вещи соберешь? Куда ты собрался?

У меня внутри все похолодело.

– Я же тебе говорил, что переночую у Леши. Мне нужна тишина, чтобы сосредоточиться, а здесь... здесь...

– Что – здесь? Здесь тебе, значит, неудобно и не тихо? Здесь твой дом, между прочим!

– Насть, не начинай. Конечно, это мой дом, но мне нужно сдать экзамен. Здесь я не смогу подготовиться.

– Тебя нет целыми днями, и тебе не хватает тишины и покоя?

– Ты так говоришь, будто я где-то гуляю. Я работаю и учусь, и все это одновременно!

– Перетрудился! А я, по-твоему, наверное, тут танцую и телек смотрю с утра до ночи! Я тоже устаю. Я целый день с ним то гуляю, то на массаж, то на процедуры. Маму я не могу об этом сейчас просить. Ты же сам видишь, у нее тоже не все гладко с дядей Сережей.

– Не все гладко? Это так называется.

– Рома, перестань. Я тебе уже сто раз говорила – это не наше дело.

– В этом доме все не наше дело. Во всяком случае, не мое.

– Не говори так. Ну вот мы снова ругаемся. Не надоело?

– Надоело, поэтому я сегодня у Леши переночую.

– А где связь?

Виталик был у меня на руках и, расхаживая по комнате, я укачивала его.

– Насть, мне нужен отдых. Мне нужна тишина, чтобы подготовиться к экзамену. Сколько раз тебе говорить? Я не могу так, понимаешь?

– А я? Обо мне ты вообще подумал? Мне, по-твоему, легко? Я день и ночь сижу дома, выхожу только с сыном и только по делу. Как ты думаешь, а я не устала? Я отказалась от учебы ради нас, а теперь получается, что ты устал. Это как? Может, ты и от нас с сыном устал?

– Почему ты снова все валишь в одну кучу? Просто, знаешь, нам ведь даже двадцати лет нет...

– И что из этого? К чему ты это сказал?

– Я с родителями виделся на неделе.

– Понятно. И что, они тебя домой поманили? Горы золотые наобещали?

– Насть, давай потом поговорим, ты сейчас какая-то взвинченная.

– Когда – потом? Почему ты мне не рассказал про родителей? Они тебя снова против нас настраивали. Что, думаешь, я не догадываюсь, как они ко мне относятся? Виталику через две недели будет уже пять месяцев, а они даже ни разу, слышишь, ни разу не пришли и не позвонили. Им не нужен этот внук. Им не нужны мы!

– Перестань говорить глупости, ничего они меня не настраивают. Они мои родители, а не чудовища, которыми ты их пытаешься представить. И, чтоб ты знала, они хотят купить нам машину, чтобы нам было легче возить ребенка на процедуры, чтобы мы не ездили в переполненных автобусах и трамваях. Вот какие они монстры!

Он ушел, не дожидаясь язвительной реплики, что вертелась у меня на языке. Его шаги и мой возмущенный крик потерялись в пронзительном плаче малыша. Виталик извивался у меня в руках и истошно орал во все горло.

Эта наша ссора с Ромой была не первой и, увы, не последней. И когда Виталику исполнилось шесть месяцев, он собрал свои вещи и уже больше не вернулся. Я умоляла его остаться. Я хотела сохранить семью, сохранить нас, а он боялся потерять себя. Он ушел. Я легла рядом с Виталиком на кровати, любуясь его выразительными слегка раскосыми глазами, похожими на две большие бусины. Он улыбался своей беззубой улыбкой и крепко хватал меня за пальчик. Этот навык появился у него недавно, и я очень гордилась этим, но врачи даже в нем видели аномалию и сильное отставание от всех норм и правил. Врачи во всех его изюминках видели только дефекты, для меня же это все делало его особенным.

И вот, спустя месяц после того, как Рома нас оставил, в квартире раздался телефонный звонок. Звонила его мать. Я знала, что на чудо и помощь по воссоединению нашей семьи рассчитывать не стоит, но даже несмотря на это, ей удалось меня удивить. Из ее короткого монолога я узнала главное: «Этот мальчик не может быть сыном Ромы». И эти слова я не смогу забыть, не смогу простить. Никогда. Когда-нибудь, когда мой мальчик вырастет и станет выдающимся человеком, они все об этом пожалеют. Жестоко пожалеют...

Требовать алиментов или какой-то еще материальной поддержки я не стала, хотя мама и настаивала на этом. Мне было больно и обидно не столько за себя, сколько за сына. Раньше от него отказывались врачи, а теперь его отверг родной отец. Я не стала ругаться, судиться и требовать правды. Я ни о чем не жалела, крепко прижимая к груди малыша. С того дня он был мой и только мой!

Закат. Время 19:45

Клочок земли был огорожен лентой. Этого оказалось достаточно, чтобы сдерживать натиск любопытной толпы. Огороженное пространство, точно сцена амфитеатра, было залито светом прожекторов. Мое появление взбудоражило толпу. Они жаждали зрелища, они ждали моего выхода. И я сделала еще один шаг к свету.

Мужчина в форме тут же отреагировал на мою вольность и попытался остановить и жестом и словом.

– Сюда нельзя.

– Да как это нельзя? Это же мать! – заревела толпа.

Я в ужасе оглянулась по сторонам. Да, мне не показалось, они все говорят обо мне. Я здесь главное действующее лицо. Я снова посмотрела на черный пластиковый пакет, дрожащий на ветру. Под ним лежал мой ребенок. Чего ждут все эти люди, с таким участием глядящие мне в душу? Наверное, мне надо закричать, упасть в обморок... Жаль огорчать, но я не испытываю ничего. Разве что облегчение и покой. Наконец-то, мы оба отмучились...

– Неизвестный напал на нее со спины и нанес несколько колотых ран...

– Напал на кого? – земля начала уходить из под ног. – На кого?

– Адашева Полина Оскаровна кем вам приходится? – спросил мужчина в полицейской форме.

Я закричала, что было сил. Он пытался заградить мне путь, но я сорвала ограждение, я бросилась вперед. Я должна была доказать ему, как он ошибается. Под этим черным пакетом в луже крови не могла быть моя дочь. Не могла. Я откинула пакет и... забыла. Я била ее по щекам и звала по имени, но мертвенно-бледное лицо моей девочки оставалось неподвижным. Чьи-то руки схватили меня и силой оттащили в сторону. Я орала и извивалась, пытаясь вырваться, и вновь оказалась рядом с ней.

– Нет! Нет! Нет! – кричала я. – За что?

***

Я лежала под капельницей, чувствуя, как сокращается моя матка. Час назад я уже просила медсестру позвать врача, но ко мне так никто и не зашел. Промежутки между схватками становились все короче, и мне с трудом удавалось пережить каждую из них. К моему животу проводами был подключен какой-то монитор, который вместе со мной проходил через испытание схваткой: я орала и проклинала весь мир, он пищал, рисуя какие-то графики. А стоило мне замолчать, как из соседних комнат начинали доноситься истошные крики моих родовых коллег. Каждую минуту по коридору больницы прокатывалась волна ужаса и боли. И только детский крик мог стать истинной наградой этим пыткам.

Оставшись одной с особенным ребенком на руках, я была убеждена, что моя судьба predetermined. Если мы оказались ненужными РOME, то глупо ожидать, что мы можем понадобиться кому-то еще. Но Оскару, казалось, это было все равно.

Он, студент театрального института, вместе со своими товарищами пришел в наше ателье, чтобы сшить костюмы для выпускного спектакля. Хозяйка обычно не допускала меня до клиентов, предпочитая лично брать мерки, что, по ее мнению, автоматически снижало риски на переделку. Тем не менее переделывали мы часто, как и получали недовольные отзывы клиентов. Однако в тот день было много народа, и она попросила меня помочь ей в общем зале. Хозяйка суежилась возле какой-то девушки, в мельчайших деталях описывающей, каким именно она видит свое платье. С женщинами всегда сложнее работать, им трудно угодить, потому я пригласила встать на подставку первого попавшегося на глаза парня из толпы и начала

снимать с него мерки. Он был широкоплечим подтянутым парнем. От него приятно пахло парфюмом и ментоловой жвачкой. Все замеры я аккуратно записывала в тетрадку, после чего снова возвращалась к парню, обхватывая его тут и там сантиметром. Я чувствовала, что он смотрит на меня, сама же старалась избегать зрительного контакта. Эта процедура не всем по душе, а потому ни к чему создавать неловких ситуаций. Но два часа спустя, когда мы с ним столкнулись на улице, было уже совсем другое дело.

- Зачем ты меня караулил? – спросила я.
- Разве?
- А что, если я замужем?
- У тебя нет кольца на пальце.
- Может быть, тогда я с кем-то уже встречаюсь?
- Хочешь сказать, ты занята?
- В некотором смысле.
- Ну, значит, ему придется подвинуться!

Его настойчивость мне импонировала. Никто и никогда не врвался в мою жизнь таким ярким красочным вихрем. Я ему поверила и позволила проводить до дома.

Мне всегда казалось, что в сутках недостаточно часов, чтобы все успеть: работа в ателье, в магазине за кассой, частные заказы соседей, ну и, конечно, занятия с Виталиком для развития его физических и умственных способностей. Но с появлением в моей жизни Оскара я начала порхать, все успевать и даже больше. Я бегала к нему на свидания, как школьница, сидела в зале во время его выпускного спектакля, испытывая неизвестное мне чувство. Я восхищалась своей работой: костюм на нем сидел как влитой; но прежде всего я гордилась тем, что нахожусь здесь в статусе его возлюбленной.

Но эйфория закончилась в тот день, когда я поняла – у меня задержка. Я была так счастлива и беспечна, что спохватилась аж на третьем месяце.

- Ты чего нос повесила? – спросила мама, когда вместо привычной прогулки с Оскаром я просидела весь вечер в кресле. – Поругались, что ли?
- Хуже, – прошептала я.
- И не такое бывало, пройдет.
- Да, плюс-минус шесть месяцев.

Мне не пришлось ничего объяснять. Мама подошла и, сев на подлокотник, прижала меня к себе. Я слышала, как бьется в груди ее сердце, чувствовала ее теплое ровное дыхание у меня над головой, и этого оказалось достаточно, чтобы окончательно раскиснуть.

- Мне страшно.
- Это естественно, но безосновательно. Все будет хорошо.
- А что если?
- Нет! Снаряд не попадает в одну воронку дважды.

Мы никогда не говорили с ней о Виталике, о его врожденных патологиях. Никогда не строили разговор, отгалкиваясь от формулировки «что было бы, если бы...». Виталик был моим любимым, и, я была убеждена, единственным ребенком. Уверена, что и мама не питала иллюзий на появление еще одного внука, и все же я была беременна. И это пугало меня, как никогда раньше.

Не был в восторге от этой новости и Оскар. Он долго ходил из стороны в сторону, и с каждым его шагом мое сердце падало все ниже и ниже. Наконец, он тяжело опустился в кресло. Его длинные изящные пальцы отбивали какой-то ритм на подлокотниках, в то время как он пристально смотрел мне в глаза.

- Ты уверена в том, что хочешь оставить этого ребенка? – спросил он.
- Сейчас мне важно узнать, чего хочешь ты.
- Я не знаю. Я не отказываюсь, просто...

– Это не то, чего ты ожидал. Я понимаю, – ответила я.

За окном пошел снег, и где-то там, во дворе, уже почти час мама гуляет с Виталиком. Они специально ушли из дома, чтобы мы могли спокойно поговорить, но говорить нам, похоже, не о чем.

– Я не собираюсь портить тебе жизнь, так что ты свободен.

– Чтобы мой ребенок тоже рос без отца? Только ты забываешь – в отличие от твоего бывшего я все еще жив!

Я так и не смогла признаться Оскару в том, что Рома бросил меня с ребенком на руках. История, которую я придумала для Виталика, была куда более трогательной и приятной. Да, она была трагична, ведь в ней Рома погиб в автокатастрофе, но зато он не бросал ни меня, ни своего сына. Иногда я и сама начинала верить в то, что Рома умер, а не побежал, как собачонка, к родителям, едва они поманили его деньгами, машиной. И сейчас, когда Оскар вспомнил о нем, я растерялась.

– Заболевания Виталика – это наследственное? – продолжал он. Это был чуть ли не первый раз, когда Оскар поинтересовался, чем болен мой сын.

– Ты сам знаешь, что нет. Но даже если так, не волнуйся: каким бы ни был этот ребенок, я справлюсь, – ответила я, кладя руку на едва заметный живот.

– Мы справимся. Я не собираюсь никуда уходить.

Он сдержал свое слово, и в канун нового года мы поженились. Церемония была скромной: только несколько его друзей из института и моя мама с Виталиком. Его родители приехать не смогли или... не захотели. Как не посчитали нужным быть рядом с сыном и в день рождения его дочери, их первой внучки. Но сейчас, лежа в родильном отделении, я об этом и не вспоминала. Надо мной столпился медперсонал во главе с врачом, командующим мне тужиться. Полина родилась на пятой потуге. И уже через мгновение ее первый крик поразил меня в самое сердце.

– У вас девочка, – сказала акушерка.

– С ней все в порядке? – спросила я. – Она здорова?

– Да, сердечко в норме, слизистые чистые... – Она проводила все необходимые манипуляции с моей крохой.

– Нет, физически все нормально?

– Да, сама посмотри!

Она положила мне на грудь сморщенный теплый комочек, завернутый в пеленку. Малышка кряхтела и терлась личиком о мое потное тело. От нее пахло кровью и болью. А у меня по щекам текли слезы. Я провела рукой по ее мокрым волосам и в первый раз приложила к груди. В этот момент мы с ней вновь стали единым целым. Раз и навсегда.

Три дня мы с Полиной привыкали друг к другу под надзором врачей и медсестер. У меня за плечами уже был опыт материнства, но с ней все было по-другому. Она хорошо брала грудь, легко опорожняла желудок и крепко спала. Она соответствовала всем нормам. Она была здорова.

Из роддома нас забирал Оскар. Одной рукой он держал свою дочь, другой придерживал меня – свою жену. Я же свободной рукой держала своего сына – шестилетнего Виталика. В тот день каждый из нас испытал неизведанное чувство. Оскар впервые стал отцом, Виталик – братом, а я – мамой здорового ребенка.

Сумерки 20:20

Я сидела в машине скорой помощи, прислонившись спиной к холодному окну. Мои глаза были широко раскрыты, но я видела только потолочную лампу в салоне автомобиля. Она горела тусклым желтым светом, заманившим муху в ловушку. Она порывисто жужжала, пытаясь выбраться из западни. В своих попытках спастись она несколько раз ударилась о стеклянную крышку, прежде чем силы покинули ее. Муха летела к свету, а угодила в ад...

– Я могу с вами поговорить? – прорвался сквозь тишину низкий мужской голос.

Я промолчала, едва взглянув в его сторону. Он сел напротив меня и представился. Его имя было сложным. Я его не запомнила. Стеклообразные глаза мухи с тоской смотрели на меня. Ее агония закончилась. Я закрыла глаза.

– Я понимаю, что вы сейчас испытываете. Но в расследовании убийств первые двадцать четыре часа особенно важны. Помогите нам найти убийцу вашей дочери. Может быть, ей кто-то угрожал? Она у вас красавица, наверняка у нее было много поклонников. Как думаете, мог среди них быть кто-то...

– У вас есть дети? – спросила я.

– Нет, пока нет.

– Тогда вы не можете понимать то, что я чувствую.

– Да, но мне доводилось терять близких людей.

– Это не одно и то же.

– Хорошо, наверное, вы правы. Так вы поможете следствию?

– Ее все любили. У нее не было врагов.

– Хорошо. Может быть, враги есть у вас?

– Как это случилось?

– Это мы и пытаемся выяснить. Опрашиваем свидетелей... Предположительно, он напал на нее сзади и нанес несколько ударов...

– Ее зар... – слова застряли у меня в горле, и я откашлялась, прежде чем продолжить. – У него был нож?

– Сложно сказать. Раны не похожи на ножевые, но экспертиза все прояснит.

– У нее сегодня должен был быть экзамен по химии...

– Да, мы нашли ее зачетную книжку.

– Она его сдала?

– Да, на отлично.

– Вы видели ее оценки?

– Да.

– Она круглая отличница и поступила на грант.

– Может быть, ей кто-то завидовал?

– Вы же видели ее... как ее можно не любить...

***

Я вылетела из кабинета директора, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. От злости у меня сводило челюсть, а в голове кружился целый рой оскорблений: «вы – продажная сволочь», «вы только деньги умеете собирать», «вы – самодовольная дура», но все они застряли в горле, стоило мне встретиться взглядом с сыном. Он сидел на диване, прислонившись к стене. Его волосы были взъерошенными, а под глазом наливался очередной синяк. Бедный мой малыш.

Час назад, когда мне позвонили из приемной директора, я и подумать не могла о таком финале. Это был уже третий визит на ковер только за последний месяц, а сколько их было за эти три года, что мой сын учится в этой школе... и не вспомнить. Но несмотря на частоту посещений, маленький, красиво обставленный кабинет всегда встречал меня настороженно-враждебно.

Директриса властно махнула мне рукой, разрешая войти. Она разговаривала по телефону, и, усадив Полину в кресло, у меня впервые появилась возможность осмотреться. Белые стены были завешаны разными грамотами и дипломами, а также фотографиями лучших учеников. Бессмысленно искать среди них родное лицо, здесь никто не верит в гений моего сына. Но я уверена, что когда-нибудь они об этом пожалеют. Настанет день, когда они будут с гордостью говорить о том, что Виталик учился именно в этой школе. Возможно, директриса будет приписывать себе лично его успех, уверяя всех, что несмотря на его физическую неполноценность и страшные диагнозы в анамнезе, именно она разглядела в нем настоящий алмаз. Да, тогда она, конечно, не будет вспоминать о том, как противилась принимать его в школу, давать шанс на полноценное образование. Она никогда не сможет признаться в своей слепоте и бессердечии. Но я ей напомню. Я ничего не забыла, хотя сейчас и вынуждена на многое закрывать глаза. Я знаю, ради кого делаю все это. Я рада, что не пошла на поводу у других и не отдала сына в интернат для умственно-отсталых детей. Мой мальчик уже три года ходит в обычную школу, и это наш с ним общий успех. Да, у нас есть проблемы в развитии, но, черт возьми, он уже в третьем классе. И мы сможем пойти дальше, что бы ни случилось.

– Вы в курсе, по какому вопросу вас сегодня вызвали сюда?

– Нет, но догадываюсь.

– Сомневаюсь, – выдохнула директриса. – Ваш сын подрался с одноклассником. И на этот раз агрессия и непонимание исходили от него, а не от задиристых ребят. Антонине Ивановне пришлось звать на помощь, чтобы расцепить мальчиков.

Каждая наша встреча начинается с подвигов героической Антонины Ивановны. Всякий раз именно этой 60-летней женщине, преподавательнице русского языка, выпадает миссия разнимать задиристых ребят.

– Мне очень жаль, но она не смогла вовремя прийти на помощь, и вашему сыну сильно досталось. У него ссадина на ноге, но вы не волнуйтесь, его уже осмотрел наш школьный врач. Ничего страшного, – сообщила мне директриса.

– Да, конечно. Я понимаю, они же мальчишки, – натянуто улыбнувшись, ответила я.

Мне уже давно следовало обратить внимание директрисы, что все инциденты происходят исключительно на уроках Антонины Ивановны, но... Я промолчала. Я не могу позволить себе такую роскошь. Я не могу говорить все, что думаю и чувствую, находясь в этих стенах. С первого дня мне неустанно дают понять, что мы здесь на птичьих правах и наш удел терпеть и не жаловаться. Не устраивает – забирай документы. Я предпочитала молчать. Ради сына. Ради его будущего. Но не сегодня. В этот раз инцидент с участием моего малыша пошел совсем по другому сценарию...

– Это сложный разговор, но дальше тянуть нельзя. Я уже не раз говорила, что вашему ребенку нужна другая форма обучения...

– Да, я помню, но...

– Выслушайте сначала. Вы сейчас сидите и думаете, наверное, что я просто издеваюсь над вами, хочу сделать вам больно. Но это не так. Я восхищаюсь вами. То, что вы делаете для своего ребенка – похвально. Но, увы, наши желания не всегда совпадают с реальностью.

Полина слезла с кресла и подошла к массивному столу цвета красного дерева и, встав на цыпочки, посмотрела на горы папок и бумаг, аккуратно сложенных в углу. Директриса даже не взглянула в ее сторону.

– Три года назад, когда вы умоляли меня дать ему шанс, я уступила. Я не смогла сказать вам нет, хотя и понимала, что из этой затеи ничего не получится. Три года мы закрывали глаза на его табель успеваемости. Но вы поймите меня, я не могу закрывать глаза на его неадекватные выходки и необоснованную агрессию по отношению к другим. У нас в школе учится больше тысячи учеников, и я не могу рисковать их жизнями ради того, чтобы ваш особенный ребенок получал то, что ему не нужно.

Полина потянула за листок, и папки пришли в движение. Они заскользили по поверхности и, наконец, упали на пол. Я тут же бросилась поднимать их. Многие из них были раскрыты, и мне на глаза попался чей-то табель успеваемости. «Литература – 3, русский язык – 3, математика – 3, география – 3, физкультура – 4».

– Пожалуйста, поговорите с нашим школьным психологом, – продолжала директриса. Она вместе со мной поднимала папки с пола. Сейчас ее голос звучал мягче, а выражение лица не было похоже на каменную маску. – Такие дети, как ваш сын, восприимчивы ко всему, что происходит вокруг. Эти его вспышки агрессии не возникли на пустом месте. У вас дома все хорошо?

– Поля, иди сюда! Не трогай это, я кому сказала? – окрикнула я дочь. Она потупила взгляд, и я взяла ее на руки.

– Такие дети впитывают в себя все, как губки, и без посторонней помощи не могут разобраться, что хорошо, а что плохо. И помощь тут нужна не кого-то там, а специально обученных людей, тех, кто понимает и знает, как нужно работать с такими детьми.

Что ты знаешь о таких детях? Что ты вообще знаешь о детях? У тебя их нет и никогда не было! И как только могли такую детоненавистницу сделать директором школы? За все эти годы она ни разу не назвала моего сына по имени. Для нее он какое-то безликое существо, ошибка природы, больной ребенок...

– Вы меня слышите?

– Слышу.

– Мы не можем продолжать обучение вашего сына. Это бессмысленно. Вот список центров по работе с такими детьми, – ответила она, протягивая мне лист бумаги. – Присмотритесь к ним. Я уверяю вас, ему там будет лучше. Никто не будет над ним смеяться, тыкать в него пальцем или толкать на переменах. Ему не нужно будет столько времени сидеть за учебниками. Вы же и сами это прекрасно понимаете – ему тяжело здесь.

Полина уткнулась мне в шею. Я обняла ее, машинально глядя по спине. Слова директрисы, точно мячики для пинг-понга, летали по комнате, ударяясь о стены и эхом отдаваясь у меня в ушах.

– Почему вы молчите?

– Вы просили выслушать вас.

– Хорошо, мне больше нечего добавить к сказанному.

– То есть теперь могу высказаться я?

Директриса сложила на столе руки, сцепленные в замок, и утвердительно кивнула головой.

– У меня не было времени подготовиться к этому разговору, в отличие от вас. Даже список центров нашли. Спасибо, но не стоило так беспокоиться, – начала я. Мое сердце колотилось в груди. Мне не хватало дыхания, и я старалась говорить членораздельно, чтобы каждое мое слово достигло цели. – Все эти годы вы не давали мне возможности забыть, какое одолжение делаете, позволяя Виталику учиться здесь. И я это ценила. Я ни разу не пожаловалась вам на ссадины и синяки, которые находила на теле сына в течение этих лет. Я понимала, что это, наверное, и есть та цена, которую он должен заплатить за полноценное образование. За билет в жизнь. Я плакала по ночам в подушку, но молчала. Я учила сына быть терпеливым и не таить обиду на одноклассников, которые над ним смеялись и обижали; на преподавателей,

которым не хватало терпения дослушать его до конца или понять, что ребенок действительно хочет в туалет, а не слоняется по коридорам без дела. Я молчала! А что делали вы? Вы хоть раз пригласили сюда родителей тех, кто обижал или бил моего ребенка? Вы хоть раз отчитали преподавателя за то, что ребенок в ее классе описался?

– Как вы смеете так говорить со мной! – взвилась директриса. Она встала с кресла, опираясь руками на стол. – Я три года...

– Что три года? Терпели нас, закрывали глаза на нашу успеваемость? Так Виталик не один такой у вас! Вы повнимательнее посмотрите в эти папки, – крикнула я, тыча пальцем в кипы бумаг у нее на столе. – У вас школа не для одаренных детей, если вы этого так и не поняли! У вас полно троечников, но уверена, что и их родители не были тут ни разу!

– Прекратите повышать на меня голос! Я вам помочь пытаюсь. У вас больной ребенок, и к нему нужен другой подход! Но, знаете, я сейчас многое поняла. Я ведь не просто так спросила, все ли в порядке у вас дома? Вы посмотрите на себя, как вы себя ведете! А потом еще удивляетесь, откуда у такого ребенка берется агрессия и жестокость?

Полина начала плакать. А я прыгать с одной ноги на другую в попытке ее успокоить, в попытке перекричать директрису.

– Не смейте трогать мою семью! У нас дома все в порядке, а вот у вас в школе все уже давно прогнило. Как там говорят, рыба гниет с головы? Я ничего не путаю?

– Вон отсюда! Документы будут готовы к концу недели – забирайте и идите на все четыре стороны!

– Так и сделаю. Дура я была, надеясь, что в вашей школе мой ребенок получит шанс на нормальное будущее – ничего кроме агрессии он здесь не видел. И ваше счастье, что я, наивная, никогда ничего не фиксировала, а то мы бы с вами сейчас в органах разговаривали.

– Хватит! Не смейте мне угрожать! До свидания, – директриса открыла дверь в приемную.

И в этот момент я увидела сына. Его скрюченное с рождения тело сейчас казалось еще более худым и немощным. Его ребра выпирали из-под рубашки. Он был похож на затравленного зверька, но они в нем видели угрозу. Мой маленький мальчик казался им агрессивным. Нежность, на мгновение сгладившая острые углы, сошла на нет, померкнув в новой вспышке злости и негодования.

– Вы никогда не шли нам на встречу. Вы знали, что Виталику неудобно носить эти чертовы рубашки, но ваша гребаная форма и устав, важнее всего. Я ненавижу вас!

Всю дорогу домой Виталик не проронил ни слова. Он смотрел себе под ноги и мычал, едва волоча ноги через снежные сугробы. Полина сидела в коляске, которую я с трудом толкала перед собой.

Я понимала, что мне нужно с ним поговорить, но слова застревали в горле. Я еле сдерживалась, чтобы не завывать от боли и обиды, от дикой несправедливости, связавшей меня по рукам и ногам, но я держалась. Я не могу быть слабой. Он не должен видеть моих слез.

– Сынок, ты не расстраивайся, все будет хорошо. Вот увидишь. Мама не даст тебя в обиду. Да, я помню, я просила тебя быть терпеливым и не обижаться на других, и я горжусь тобой. Слышишь?

Он не ответил и даже не посмотрел в мою сторону. Я крепче сжала его руку, а после поднесла к губам его замерзшие пальцы и поцеловала.

– Давай наденем варежки.

Дома нас встретила мама, и я выдохнула с облегчением. Оскара нет, а значит у меня есть время подготовиться к разговору с ним. Он снова будет бить себя в грудь, повторяя, как заведенный: «А я говорил». Да, он говорил, он много говорил и говорит – на то он и актер, но наша жизнь не театр. Увы, но эти роли нам достались не на час и не на два, а на всю жизнь.

– Наш парень снова подрался? Ну ничего, малыш, это ерунда. Синяком нас не запугать, верно я говорю? – с порога начала кудахтать мама, помогая мне раздеть детей.

Виталик был не в настроении. Его голова была опущена, но я видела, как он исподлобья смотрит сквозь нас, пытаясь разглядеть кого-то в коридоре. Он одергивал руку каждый раз, когда мама пыталась снять с него куртку. Шапку он тоже держал в руках. Он перебирал ногами, часто моргая. Обычно он так делал, когда нервничал.

– Сынок, не бойся. Тебя никто не будет ругать. Ты у меня умница, и чтобы не случилось, знай – мама тобой гордится, слышишь? – спросила я, опускаясь перед ним на колени. Он притих и посмотрел мне в глаза. Он едва заметно кивнув, позволил мне взять у него из рук шапку и помочь снять куртку. Мама с Полей уже мыли руки в ванной, когда Виталик снова начал пятиться к двери. Его глаза бегали по кругу, а тремор бил по рукам.

– Виталик, тебя никто, слышишь, никто не обидит. Мы не будем тебя ругать. У нас все хорошо, ничего страшного не случилось. Малыш, ну ты что?

Ребенок продолжал смотреть сквозь меня, прислонившись к двери. И я все поняла. Я крепко прижала его к себе. В детстве он пах молоком и счастьем, а сейчас... я чувствовала только слезы и страх. Слезы катились у меня по щекам, и я все сильнее и сильнее прижимала его к себе.

– Прости меня, малыш. Этого больше не повторится. Оскар больше не будет на тебя кричать, никогда, слышишь? Я люблю тебя, родной.

Я почувствовала, как он меня обнял – это были настоящие крепкие объятия, и этот поступок сказал мне больше тысячи слов.

Оскар предупредил, что задержится в театре, и мы с мамой сами уложили детей, а после сели на кухне. Я не хотела начинать этот разговор, но другой темы мы так и не нашли.

– И что ты дальше будешь делать? – спросила мама, закуривая сигарету. Табачный дым тут же смешался с ароматом кофе, который она любила пить перед сном.

– Не знаю. Еще не думала об этом.

– Может, ты посмотришь эти центры, что предложила директриса?

– Не начинай. Ты же знаешь, что я этого не сделаю. Я не отказалась от него тогда, не откажусь и теперь.

– Ты меня хоть иногда слышишь? Разве я это тебе предложила? Я бы и сама тебе не дала этого сделать. Он славный мальчик. Да, не такой как все, но он так похож на моего деда. А деда я очень любила.

– А я сына люблю и не собираюсь идти на поводу у таких узколобых дур, как эта директриса! Ты знаешь, она мне заявила, что они все эти годы из жалости закрывали глаза на табель его успеваемости. Представляешь? У него в классе пять троечников, а глаза им мозолят только его оценки!

– Черт с ней, но вот совет она дала неплохой. Ты подумай...

– Не о чем тут думать. Я буду искать для него другую школу, вот что я буду делать.

– В кого ты такая упертая? Ведь ты там даже не была ни разу! А что, если ему там будет лучше? Вдруг понравится?

– Понравится кому? Ему? Тебе? Мне? Или может быть, нашим соседям?

Вечер. Время 20:40

– Где мой сын? – спросила я мужчину, что продолжал сидеть со мной в салоне скорой помощи.

– Его никто не видел, но мы дали ориентировки, поэтому не волнуйтесь. Мы его найдем, – заверил меня он.

Яркая молния внезапно разрезала темное небо. Я повернула голову и впервые за все это время посмотрела на улицу, туда, где под черным пластиковым пакетом продолжала лежать моя девочка. Мое сердце сжалось от тоски и боли.

– Моя дочь... она все еще там?

– Да, но ее сейчас уже увезут. Мы почти закончили.

– Сейчас начнется дождь...

– Не переживайте, мы все фотографируем и протоколируем. Дождь нам не помешает...

Он ничего не понимал, не чувствовал. Его участие – дежурная формальность, которая раздражала. Поля жуткая мерзлячка. Она всегда и во всем мерзла, а ноги у нее никогда не бывали теплыми. Моя ледышка. Я всегда отогревала ее шерстяными носками, теплыми халатами, горячим чаем. Мы сейчас с ней как раз сидели бы и пили чай, обсуждая сериал. А что мы с ней смотрели в последнее время? Какой-то сериал про врачей... но какой? Поле он нравился, а я смотрела его только для галочки. Дура. Почему? Для Поли он был важен: она готовилась быть врачом, а мне он не нравился. Да как же он назывался?

Я почесала лоб и обернулась в сторону, собираясь спросить у дочери название сериала, но... осеклась.

– Ей холодно. Я не хочу, чтобы она вот так лежала на земле. Я хочу к ней, – простонала я, чувствуя дикую слабость во всем теле. Я попыталась встать, но тут же снова упала на сиденье.

– Нельзя. У вас еще будет возможность побыть с ней наедине. И не переживайте, ей не холодно.

Я закрыла глаза и покачала головой, ощущая, как тошнота подступает к горлу.

– Может быть, вы знаете, куда мог уйти ваш сын. Обычно такие люди не прячутся в незнакомых местах.

– Зачем моему сыну прятаться?

Кто бы что ни говорил, а Виталик прятаться умел. Где мы только с Полиной его не искали, когда он начал убегать из дома: и в соседних дворах, и в подвалах, и на крышах, и у помоек... его нигде не было. Примкнув к группе бомжей, он слонялся по округе, собирая бутылки и выпрашивая милостыню. В этих скитаниях он увидел романтику, о которой потом рассказывал мне в ванной, когда я пыталась его отмыть и привести в порядок. Его первый побег стал переломным в наших отношениях, жаль, поняла я это не сразу...

– Я неправильно выразился...

– Да, неверно. Мы повздорили сегодня утром, и он ушел.

Ушел ли? Мне кажется, я его выгнала... и мне не стыдно. Ни грамма. Я устала. А вот Полина, наверное, только о нем весь день и думала. Она всегда переживает за него. Она его любит.

– Из-за чего была ссора? Он поругался с сестрой?

– Нет, он всегда ругается со мной или я с ним...

– Соседи сказали...

– Соседи? А где были эти соседи, когда какая-то мразь напала на мою девочку? Где они все были? – заорала я.

– Мы это выясним, но многие из них утверждают, что вы часто ругались с...

– У кого-нибудь из них есть больной ребенок? Они знают, что это вообще такое? Нет! Тогда пусть каждый займется своим делом, и не надо совать свой нос...

– Я понимаю, но я не могу не спрашивать. Это как раз и есть мое дело.

– Ну так не сиди тут, ищи этого уроды.

– Под уродом вы подразумеваете кого-то конкретного?

– Я не знаю! Моей девочки нет, ее убили, и если вы не найдете эту мразь, это сделаю я! Я вам клянусь, я найду эту паскуду и убью! Я сама убью эту сволочь! – заревела я.

***

Найти новую школу для Виталика оказалось непростой задачей. Я ходила в каждую и лично встречалась с директорами, но, не сговариваясь, они все давали один и тот же ответ: «сейчас середина учебного года, и классы полностью укомплектованы, приходите летом». Время пролетело незаметно, но летом выяснилось, что ребенок с такими нарушениями в развитии не может обучаться по стандартной программе образования. Так Виталик остался дома.

Я старалась поддерживать в нем интерес к учебе, и каждый вечер, пока Оскар был занят в театре, мы читали книги, повторяли письмо. Он пытался все схватывать и повторять, но угнаться за любознательной и жадной до знаний Полиной было нелегко. В свои пять лет она уже знала алфавит и умела читать по слогам. Она умела считать до ста, а также складывать и вычитать.

– Я, я, я смогу! – кричала Полина, пытаясь вырвать из рук Виталика тетрадь, чтобы самой решить арифметическую задачу.

– Солнышко, подожди, сейчас очередь Виталика, – объяснила я, наблюдая за тем, как трясется рука сына в попытке написать «пять».

Но результатом уравнения, где от девяти яблок нужно было вычесть четыре, стала цифра «три».

– Сынок, ты уверен? Может быть, проверишь еще разок?

– Не-ет. Так!

– Ну как же, вот смотри, у меня девять пальцев, я уберу вот эти четыре, и сколько у меня осталось? – спросила я, шевеля пальцами правой руки, левую я убрала на стол.

Он внимательно посмотрел на мои руки – то на одну, то на другую, потом снова вернулся к задаче с яблоками. И так повторялось какое-то время, за которое Полина пыхла, кряхтела, и подпрыгивала в нетерпении на своем месте.

– Я, я, я хочу решить!

Виталик начал нервничать. Его рука задрожала сильнее. Он отпихнул от себя тетрадь с ручкой и тут же встал из-за стола.

– Не-е хо-очу! На-адоело!

– Что значит – надоело, а как ты будешь в школе учиться? – спросила я, пытаясь вернуть его на место.

– Не-е бу-уду! Не-е ну-ужно!

– Пять! Будет пять яблок! – закричала Полина, наконец дотянувшись до тетради. – А здесь будет три морковки, четыре листочка и два помидора! Я все решила! Мама, правильно же? Я молодец? Молодец?

– Да, солнышко, ты молодец, – ответила я, бегло взглянув на страницу, хотя и без этого точно знала, что Полина эти задачки щелкает, как семечки.

Виталик раздраженно фыркнул и, не реагируя на мои просьбы вернуться к занятию, сел на пол к своим игрушкам. Мне было больно смотреть на то, как одиннадцатилетний ребенок увлеченно играет с машинками и паровозиками, рассчитанными на возрастную группу его сестры.

– Оставь его, – попросила мама, появляясь у меня за спиной. – Ты не можешь быть для него учителем, ты – мать.

– И что ты мне предлагаешь? Смириться? – спросила я, оставляя детей в комнате. Они радостно катали паровозик по рельсам, издавая смешные звуки.

– Когда ты научишься слушать, что тебе говорят? Разве я сказала смириться? Я говорю, что ему нужен учитель, посторонний человек, который сможет стать для него другом, которого он будет уважать.

– А я? Я разве ему не друг? Я лучше друга, я лучше всех! Я его мать!

– Вот именно, ты его мать, а ему нужен учитель! Не будь такой твердолобой!

– И где ж мне его взять? Ни одна школа не согласилась принимать его! Что я еще могу сделать?

– Можно подумать, на школах свет клином сошелся. Иди в развивающие центры!

– Я тебе уже говорила, что ни за что на свете не отдам своего сына в эти интернаты!

– Боже, смилуйся! Ты что, глухая? Я про центры детского развития говорю! Они разные бывают – и дошколят водят и деток постарше.

– И давно это ты так прозрела? – огрызнулась я, начиная мыть посуду.

– Нет, а то бы раньше тебе мозги вправила. Сегодня в газете прочитала, на, сама посмотри, – велела она, протягивая мне рекламную листовку.

Стараясь не афишировать своего скепсиса, я протянула руку к газете, когда в квартире раздался истошный вопль Полины. Бросив все в сторону, я кинулась в детскую комнату.

Еще несколько минут назад они вместе играли в паровозик. Как и всегда разгоняли его на рельсах, заранее уготовив ему разные испытания, которые зачастую заканчивались его крушением. Паровоз разлетался на составляющие, разбросав по кругу свои немногочисленные вагоны. И им это нравилось. Они весело смеялись и хлопали в ладоши каждый раз, когда им удавалось сокрушить железного змея. Я их забавы не разделяла, но в такие моменты всегда успокаивала себя: «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало». Однако пронзительный крик Полины дал понять – правило дало сбой.

Мама догнала меня у двери в спальню, и мы вместе влетели в комнату. Полина сидела на полу возле стены, и лицо ее было все в слезах. Она плакала и кричала от боли, хватаясь за голову руками. Я подбежала к ней и прижала к груди, словно там, в недрах моего тела, все еще теплился аромат молока, который успокаивал ее в младенчестве.

– Все, все, моя девочка. Все хорошо, ничего страшного не случилось, – шептала я, раскачиваясь вместе с ней из стороны в сторону. Но Полина продолжала заливаться криком, даже не пытаясь обнять меня в ответ.

Мама подошла и села рядом. Она гладила Полину по спине, а сама не сводила глаз с Виталика. Он увлеченно отправлял паровозик в очередное смертельное пике, в то время как его сестра сидела рядом с ним и надрывалась от плача. Это было странно.

– Виталик, а что случилось? – поинтересовалась мама, перехватив его взгляд. Он пустил железный состав вперед по крутой петле рельс. – Почему Поля плачет?

Ее вопрос потерялся в очередном громком всхлипывании Полины, но я была уверена, он его услышал. Он опустил голову. Паровозик вошел в петлю и с грохотом разлетелся на части. Это событие привлекло внимание всех. Полина оторвалась от моей груди и, все еще продолжая всхлипывать, с улыбкой посмотрела на очередное крушение. А я с ужасом заметила у нее на голове ссадину, из которой тонкой струйкой сочилась кровь.

– Виталик, что случилось? – повторила свой вопрос мама.

– Сильно болит, солнышко? Как ты так ударилась? – причитала я, рассматривая ее голову.

Ссадина была неглубокой, и кровь уже свернулась в уголках ранки, но мне все равно было страшно. Умом я понимала, что ей ничего не угрожает, и это не первая и, увы, скорее всего не последняя ее травма, но сердце отказывалось это принимать. Я чувствовала, как паника

и страх пульсируют у меня в ушах. Я крепко обняла ее, не желая больше отпускать во внешний мир, где ее на каждом углу поджидала опасность. Кто бы мог подумать, что даже дома, играя с паровозиком, она может так удариться головой. А как это вообще могло случиться?

– Он-на х-хотела за-абрать па-аровоз-зик. А-а он м-мой! М-моя оч-чередь.

– Что ты сделал? – заорала я, вскакивая с дочкой на руках. – Ты что, сдурел? Она головой ударилась! Головой! А что, если бы это была не просто ссадина? Ты меня слышишь?

Виталик продолжал сидеть на полу. Он втянул голову в плечи, сильно выгнув и без того кривую спину. И в такой позе он пятился назад, пока не уперся в спинку кровати. Мама продолжала сидеть на полу. У нее в руках был тот самый злополучный паровозик. Теперь он вращался между ее пальцев.

– Я-я-я.

– Что – я? Я с тобой разговариваю! Ты видишь, что ты наделал? Посмотри, какая у нее рана! У нее кровь идет! Она плакала, а ты просто сидел и играл! Как это понимать? Я тебя спрашиваю? Она же твоя сестра!

– Мам, не надо, – шмыгая носом, попросила Полина. – Он не хотел меня обижать, я сама виновата.

– Что значит – сама виновата?

– Я хотела перехитрить. Его очередь была пускать паровозик, а я жадничала.

– Даже если так, ты не должен был ее толкать, ты слышишь?

Виталик смотрел на меня исподлобья, и я видела, как трясутся его руки. Мне стало стыдно. Что я за мать? Он такой же мой ребенок, а что сделала я? Я ведь поняла, что это всего лишь царапина, тогда почему я так строга к нему? Да, он поступил нехорошо, но он же ребенок. Он же сделал это не специально. Но я испугалась... Я знаю, какой он сильный. В это сложно поверить, но несмотря на свое неидеальное тело, Виталик очень крепкий. Это понимает каждый, кто хоть раз пожимал ему руку. Его крючковатые пальцы, словно плети, переплетают твои пальцы и давят на плоть с такой силой, что ты стараешься как можно скорее избавиться от этих клещей. И в такие минуты я всегда горжусь своим сыном...

Вечер. Время 21:20

Мне снова что-то вкололи. Несколько минут мое сознание вращалось по орбитам в поисках лучшей доли. Как бы я хотела приземлиться там, где могла снова услышать ее смех и увидеть ее сияющие глаза, но вместо этого мои ноги вновь почувствовали землю. Я сидела на скамейке под открытым небом и чья-то рука наглаживала мне спину. Голова была настолько тяжелой, что мне было сложно ей шевелить. Я с силой открыла глаза. Моя девочка уже лежала на носилках, и двое санитаров несли ее к машине скорой помощи. Разряд молнии озарил это действие, сделав его еще более драматичным и зловещим. Я снова закрыла глаза, издав что-то среднее между стоном и всхлипыванием.

– Настюх, поплачь, легче станет, – оживилась женщина, что сидела рядом со мной. Ее голос показался мне знакомым. Она притянула меня к себе, и тело легко поддалось ее воле.

Мои глаза были закрыты, но как бы я ни пыталась снова провалиться во мрак и пустоту бытия, я продолжала видеть ее – мою Полину.

– Мамочка, все будет хорошо, не волнуйся, – говорила она, блаженно улыбаясь. – Со мной все в порядке.

Я снова открыла глаза в надежде, наконец, проснуться, вынырнуть из этого кошмара. Но я все еще сидела на улице в объятиях какой-то женщины, а мне в глаза смотрел все тот же мужчина в форме.

– Мы можем продолжить наш разговор?

– Я могу поехать с ней? – спросила я. Машина скорой помощи все еще стояла в нескольких шагах от нас, и я видела черный пакет, скрывающий мою девочку от посторонних глаз.

– Боюсь, что нет. Ее сейчас отвезут в морг, потом...

Женщина, что сидела рядом со мной, громко цыкнула, перехватив его взгляд и инициативу в этой беседе.

– Настя, так будет лучше.

– Отец девочки жив? – продолжал мужчина.

– Да, мы в разводе.

– Как можно с ним связаться?

– Я позвоню.

– Если вы дадите нам его телефон, мы можем сделать это сами.

– Я сама позвоню. Что вам от меня надо?

– Мне нужно, чтобы вы рассказали все, что может иметь отношение к случившемуся. Например, какие отношения были у отца с девочкой?

– Что значит – какие? Он ее отец!

– Я понимаю, но все же, каким он был отцом?

Каким он был отцом... А почему бы не спросить, каким он был мужем? Или хороший отец автоматически хороший муж? Полина его любила. Она гордилась своим отцом. Для нее он был самым лучшим. Для нее он был если не на первом, то точно на втором месте в жизни. А на каком месте она у него? Есть для нее вообще место в его жизни?

– Они часто виделись или нет, ладили или ругались? Вы же в разводе, – разглагольствовал мужчина.

– Это я с ним развелась, а она как была его любимой девочкой, так ею и осталась.

– Хорошо. А когда они виделись в последний раз?

– Не помню. Я этим никогда не интересовалась, меня же это не касается.

– Как это? Она же ваша дочь.

– Ну так и ему она вроде как не соседка!

В его замечании было столько укора, что у меня зазвенело в ушах. Всю жизнь меня осуждали и ругали за сына, за мою любовь и заботу о нем. Но с Полиной все было иначе. Я хорошая мать! Я все делала правильно! Тогда за что мне все это?

– Слушайте, как вас там звать, я понимаю, что вы выполняете свою работу, но давайте потом. Не сейчас. Если бы вы все делали правильно, мы бы здесь сейчас не сидели, понимаете о чем я говорю? Это ваша вина, что какие-то ублюдки на свободе гуляют! Я не могу, не могу больше. Слышите?! Верните мне мою девочку! Верните, сволочи!

Мой крик потерялся в оглушающем ударе грома. Раскатистой волной он пронесся по земле, растворяясь где-то далеко за горизонтом. Там, где в свете уличных фонарей еще можно было различить огни удаляющейся машины скорой помощи...

***

Он поднял трубку не сразу, и пять долгих гудков ожидания показались мне пыткой. Сколько раз мы говорили с ним с тех пор: пять, шесть? Больше десяти лет прошло с того дня, как мы перестали называться семьей. Считаться ею мы перестали еще раньше. Мы с ним так никогда и не смогли сблизиться и до конца понять друг друга. Мы слишком разные. Он актер театра и кино, а я... за сорок пять лет жизни я успела примерить на себя множество масок и образов, но ни одна из них не была мне так близка и понятна, как роль матери. Да, я мать!

– Привет, какими судьбами? – услышала я его голос.

Он сказал это так легко и непринужденно, что я растерялась. Последний раз мы с ним ругались. Он кричал на меня так громко и неистово, что я отводила трубку в сторону, чтобы не оглохнуть.

– Не тебе меня учить! Ты лучше своим выродком займись! Этот калека сам не живет и другим не дает!

– Не смей его трогать! Он здесь не при чем! Я с тобой про Полину говорю, про твое хамское отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.